

РЕНЕ БЕРНАРД

СТРАСТЬ
В ЖЕМЧУГАХ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
Б51

Серия «мини-Шарм» основана в 1994 году

Renee Bernard
PASSION WEARS PEARLS

*Перевод с английского Н.Н. Аниськовой
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора, издательства Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Бернард, Рене

Б51 Страсть в жемчугах : [роман] / Рене Бернард; пер. с англ. Н.Н. Аниськовой. — Москва: АСТ, 2014. — 319, [1] с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-081386-5

Что может быть для художника страшнее утраты зрения?

Джозайя Хастингс понимает — времени у него все меньше, и ему остается написать только одну картину — последний свой шедевр.

Но где найти источник вдохновения? Неожиданно Хастингс встречает свою музу — бедную красавицу Элинон Беккет, которую спасает от рук домогавшегося ее негодяя.

Поначалу отношения Джозайи и Элинон носят чисто деловой характер. Однако постепенно его восхищение красотой и незаурядностью девушки перерастает в затаенную страсть, которая рано или поздно вырвется на свободу...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Renee Bernard, 2012

© Перевод. Н.Н. Аниськова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

*Днем и ночью берег я жемчуг души своей.
Теперь в океане жемчужных дорог
Я потерял, какая из них моя.*

Руми*

* Джалаледдин Руми (1207–1273) — выдающийся персидский поэт-суфий.

Глава 1

Лондон

Январь 1860 года

— Ущипни щеки, глупая девчонка! У тебя такой вид, будто ты вот-вот в обморок грохнешься! — Мадам Клермон рывком, выдававшим ее скверный характер, раздвинула шторы на окнах магазина. — У нас и без того мало покупателей, а ты еще и отпугиваешь их своим видом, наводя на мысли, что я нанимаю больных девиц!

Элинор Бекетт послушно пощипала щеки и стала поспешно готовить прилавки. Магазин мадам (вернее — дамское ателье, примостившееся на краю Мейфэра) был довольно фешенебельный и имел богатых клиенток, однако дама вечно жаловалась на ужас жизни на краю финансовой пропасти. Времена для владельцев небольших магазинчиков были трудные, особенно в зимние месяцы, когда многие лондонские леди перебирались в свои загородные владения, спасаясь от копоты и болезней зимнего города.

Суетились все четыре продавщицы — готовились встретить первых клиентов. Элинор отвела глаза от лица хозяйки и выложила на прилавок шерстяную накидку. Она получила это место полгода назад и жила в страхе неминуемого увольнения. Но скудная плата и бесконечные часы над шитьем все же были привлекательнее, чем ледяной холод улиц Лондона.

Стоявшая сзади мадам Клермон неодобрительно фыркнула.

— А где красное бархатное вечернее платье? Мне нужно, чтобы миссис Карлайл увидела его, когда придет! Эта женщина обожает красный цвет. Не моргнув глазом она заплатит любую цену — какую я назову!

— Оно не готово, мадам, — тихо сказала Элинора, опустив голову, трепеща перед неизбежным выговором.

— Это еще почему?..

— Вы велели мне отложить его и закончить дорожный костюм миссис Белл. Я всю ночь работала над каймой. Миссис Белл придет за костюмом сегодня, и... я уверена, вы будете довольны.

Однако мадам Клермон, которая на самом деле звалась «миссис Эммалина Смит из Чипсайда», была явно недовольна.

— Я ничего подобного тебе не говорила! Не стой тут с самодовольным видом! Я ждала, что ты выполнишь всю работу в срок! Я плачу честные деньги за честную работу, а не за то, что ты изображаешь ясновидящую и притворяешься, будто разбираешься в моих делах!

— Да, мадам, — ответила Элинора, стараясь успокоиться. И на несколько секунд воцарилась гнетущая тишина (остальные девушки молча наблюдали за происходящим). — Я смогу поработать над платьем между примерками, ведь миссис Карлайл придет попозже. И еще. Чтобы оно произвело хорошее впечатление, я могу работать над отделкой до...

— Ты закончишь его к тому моменту, когда она переступит этот порог! Или сама купишь это платье: я за него у тебя из жалованья вычту!

— Ох, мадам!.. Но я не могу позволить себе...

Пощечина положила конец протестам Элинора. Лицо же мадам Клермон прояснилось, и она, успокоившись, проговорила:

— Если ты закончишь платье в срок, за него заплачит миссис Карлайл. И тогда мы с тобой забудем об этом неприятном инциденте. Ты научишься успевать, когда я прошу, и мне не придется напоминать тебе о последствиях твоего неповиновения. Я понятно объяснила?

Элинор потребовалось все самообладание, чтобы не потрогать горевшую щеку. Отчаянная ярость жгла грудь — под стать жгучей боли от пощечины.

«Как я здесь оказалась? — думала девушка. — Я пала так низко, что эта женщина имеет надо мной власть... А я киваю, глотаю несправедливость как горькую микстуру и говорю себе, что мне повезло, так как меня не выкинули на холод. О Господи!..»

— Понятно, мадам.

Элинор присела в реверансе и повернулась, чтобы ретироваться в кладовую. Руки у нее тряслись от голода, и «лекарства» от этого не будет еще несколько часов. Если она такая бледная, так это от бессонных ночей и недоедания, хотя другая миссис Смит все же кормила ее.

Сестра мадам Клермон держала пансион, в котором Элинор выделили крошечную комнатку, но еженедельно вычитали из ее жалованья плату за жилье. Сама же мадам Клермон ловко и постоянно взимала «штрафы», как она выражалась, за нарушения в магазине — реальные или надуманные, — что делало доходы Элинор прямо-таки ничтожными.

«Я не заплачу, не позволю ей заставить меня плакать. Ведь я взрослая женщина, мне уже двадцать три года», — говорила себе Элинор, единственным утешением которой было то, что подобная работа считалась respectable для женщины в ее положении. А она твердо решила, что respectable для нее самое важное в жизни.

Элинор со вздохом закрыла глаза и прислонилась к полкам с тканями; она пыталась игнорировать все жалобы тела и ужас нищеты. Что сказал бы сейчас отец? Что-

нибудь о том, что настоящая леди никогда не жалуется, но добивается успеха мягкой решимостью... Или вспомнил бы какие-либо возвышенные слова из книги о пра-вилах хорошего тона.

Она расправила плечи и открыла глаза. Ни одной секунды, потраченной на жалость к себе, обратно не вернешь. Элинор решила, что красное бархатное платье — это дракон, которого ей придется убить, чтобы доказать своей работодательнице, что она умеет сохранять достоинство. Визит миссис Карлайл был назначен на пять пятнадцатый, и управиться до этого времени сумел бы только волшебник. Кроме того, в десять явится миссис Лоусон со старшей дочерью — проконсультироваться насчет свадебного наряда.

Элинор начала бороться с рулонами тканей, пытаясь вытащить образцы, которые, на ее взгляд, могли понравиться молодой клиентке.

— Мадам сегодня сплошь шипы и колючки, — прошептала вошедшая в кладовую Мэгги — ей было всего семнадцать, но она обладала мудростью зрелой женщины. — Не обращайтесь на нее внимания, мисс.

— Похоже, я ничего не могу сделать правильно!

— Вообще нет, мисс. Она взъелась на вас с самого начала, и с этим ничего не поделаешь.

— Тогда она наверняка меня выгонит...

— Никогда! Она была вне себя от радости, заполучив вас. Ведь ваше мягкое тактичное обращение с клиентками придает ее заведению достойный и респектабельный вид. Дела мадам уже пошли на лад, и, думаю, дело вовсе не в ее уверениях, что подбитые конским волосом нижние юбки никогда не выйдут из моды.

Элинор зажала ладонью рот, чтобы удержаться от смеха. Мэгги, единственная из девушек, тепло относившаяся к ней, продемонстрировала нечто большее, чем простая вежливость. Остальные, вышедшие из низов среднего класса,

смотрели на Элинор с настороженностью и подозрительностью, когда она, сжимая в руке рекомендательные письма, впервые появилась на пороге мадам Клермон. Девушки словно почувствовали, что Элинор не из их круга. Они обвиняли ее в том, что она важничает и держится надменно.

— Не надо так говорить, Маргарет.

Мисс Мэгги Бичем с улыбкой пожала плечами.

— Но я ведь говорю правду, не так ли?

Элинор со вздохом покачала головой и поправила сверток голубого полосатого габардина наверху стопки тканей.

— Хотела бы я иметь вашу уверенность, Мэгги. Я слишком дорожу этим местом, чтобы быть легкомысленной, но ценю ваше отношение. Мне только хотелось бы знать, как лучше выйти из этой ситуации. Ведь работаю изо всех сил, но все равно каждую неделю получаю лишь часть зарплаты.

Мэгги сочувственно кивнула.

— Это ужасно, мисс...

— И я, как скряга, трясусь над каждым пенни, — продолжала Элинор. — Я слышала, девушки говорили о приработке на стороне, но вообразить не могу, как в сутках найти лишнее время.

— Вы здесь всего несколько месяцев и пока не освоились. Но с вашей красотой и прекрасными манерами вы скоро найдете способ...

— Мисс Бекетт! Время — деньги! Я хочу, чтобы первая примерочная была полностью готова, когда появится миссис Лоусон с дочерью. Если у вас есть время на праздную болтовню, вы, вероятно, сможете себе позволить получить на несколько шиллингов меньше в конце недели.

— Нет-нет, мадам Клермон! Я немедленно за всем прослежу!

Рулоны тканей были довольно тяжелые, и у Элинор от них заныли плечи, но она все же несла свертки по узкому

коридору весьма грациозно. Первая примерочная была довольно уютная, Элино́р была рада ею пользоваться, поскольку в углу стояла маленькая угольная печка, отгонявшая январский холод Лондона. Все примерочные в магазине всегда зимой согревали для удобства клиенток, поэтому Элино́р с удовольствием туда заходила, чтобы согреться.

Через несколько минут она красиво разложила ткани на краю стола. Картинки с модными фасонами были у нее заранее подобраны, так чтобы юная мисс Лоусон могла должным образом подготовиться к свадьбе. Элино́р рискнула выбрать на свой вкус атлас цвета слоновой кости и ошеломляющую персиковую органзу — просто на всякий случай. Мисс Лоусон уже объявила, что ее свадебное платье будет из Парижа, и Элино́р не возражала, так как знала, что юная леди вполне могла и передумать... И в этом случае мадам Клермон, возможно, добавила бы немного к ее, Элино́р, жалованью.

— Мисс Бекетт, как приятно вас видеть! — приветствовала ее у двери примерочной миссис Лоусон. — Скажите, а вы помните мою дочь Клодию?

— Да, конечно, миссис Лоусон. Спасибо, что оказываете честь нашему магазину. — Элино́р улыбнулась, искренне радуясь ее появлению. — Но вы пришли раньше? Или я грежу наяву?

Миссис Лоусон рассмеялась.

— Мы пришли раньше, потому что Клодия без умолку говорит о свадьбе, а я горю желанием видеть дочь счастливой.

— Ах, миссис Лоусон! — За их спинами появилась мадам Клермон. — Как неучтиво со стороны мисс Бекетт заставить вас самой искать дорогу сюда!

— Совсе нет. Мы пришли раньше назначенного времени, а тут у вас вовсе не лабиринт. — Миссис Лоусон снова рассмеялась и добавила: — К тому же я бесстраш-

ная женщина. Ах, мадам, не могли бы вы предложить мне чашку чаю?

Мадам Клермон что-то проворчала, но тут же расплылась в улыбке, вспомнив, какую внушительную прибыль сулит заказ миссис Лоусон.

— Да, конечно. Сейчас велю Бриджетт все принести...

Элинор знала, что придется расплачиваться за то, что она стала свидетельницей того, как мадам Клермон поставили на место, но с этим уже ничего не поделать.

— Мисс Лоусон, не хотите ли присесть и посмотреть новые фасоны? Я подбирала их, думая о вас.

Девушка улыбнулась и кивнула. Пухленькая и хошенькая мисс Клодия Лоусон была застенчивым созданием с мягким нравом. По контрасту с остроумной и решительной матерью она являла собой воплощение сдержанности.

— Спасибо, мисс Бекетт.

Миссис Лоусон направилась к столику с тканями, на ходу снимая перчатки, чтобы пощупать органзу. Элинор наблюдала за ней краем глаза. Не была ли она слишком смелой, сделав столь неожиданное предложение?..

— Это ошибка, миссис Лоусон! — Мадам Клермон всплеснула руками. — Я ведь говорила мисс Бекетт...

— Какая красота, — тихо сказала миссис Лоусон — все ее внимание было поглощено мерцанием шелковой органзы, которую она держала в руках. — Кажется, что ткань почти золотая, правда? Но на свету видно, что она скорее персиковая... Я просто очарована, мадам. — Она взяла сверток и, устроившись рядом с дочерью на диванчике, спросила: — Божественно, правда, Клодия? Из нее выйдет чудесное свадебное платье.

Девушка просияла:

— Да, мне очень нравится. Но эта ткань слишком роскошная для...

— Для тебя нет ничего слишком роскошного, дорогая. — Миссис Лоусон ласково улыбнулась дочери, потом обратилась к мадам Клермон: — Вы можете сшить еще и свадебное платье вдобавок к дорожным костюмам и дневным туалетам, которые мы планировали?..

— Конечно, миссис Лоусон! У меня есть самые последние фасоны — на ваш выбор. И мы можем приготовить все, что нужно... когда пожелаете! — воскликнула мадам Клермон, явно взволнованная столь выгодным заказом. — Я оставлю вас на несколько минут с мисс Бекетт, пока подберу образцы.

Она ушла, и Элино́р, стараясь сдержать вздох облегчения, спросила:

— Вы позволите приложить к вам персиковую органзу, мисс Лоусон? Если станете сюда, я разверну ткань и вы сможете увидеть себя в зеркале. Тогда можно будет лучше представить, как она будет выглядеть на вас.

Клодия тотчас поднялась и чудесно зарумянилась, когда Элино́р накинула ткань ей на плечи и обернула вокруг талии.

— Видите? Цвет подходит к коже и делает волосы совсем золотыми. Как повезло, что у вас такие красивые белокурые волосы, мисс Лоусон.

— Локоны как у ангела — так говорит ее отец! — воскликнула миссис Лоусон. — Его золотая девочка...

— Ваши волосы мне нравятся больше, — возразила Клодия, разглядывая ярко-медные пряди, обрамлявшие лицо Элино́р.

Та густо покраснела и поправила свою кружевную наколку, чтобы спрятать непокорные кудри. Элино́р не любила цвет своих волос и выросла под аккомпанемент шуток — ее дразнили то рыжей макушкой, то фейерверком.

— Не может быть, — сказала она и попыталась отвлечь внимание клиентки шуткой: — Они вам сразу разонравились бы, если бы вы попытались расчесать их и укротить!

Она стояла рядом с Клодией, и в зеркале отражались две совершенно разные молодые женщины. Клодия была маленькая, Элино́р — значительно выше. Клодия с ее светло-голубыми глазами и белокурыми локонами походила на воздушное персиковое пирожное; Элино́р же, в черном платье с блестящими черными пуговицами и черной отделкой, чувствовала себя привидением. Сложение у нее было пропорциональное, но не чувственное — далекое от столь желанной модницами фигуры в форме песочных часов. Она завидовала изысканной красоте мисс Лоусон, завидовала цвету ее кожи и волос. Элино́р была от природы бледная, с худым лицом, и мать однажды, назвав эльфом, сказала, что ее подкинула лесная фея, решив, что оставить у порога рыжеволосое дитя — это отличная шутка. Поэтому маленькая Элино́р и мечтала научиться волшебству — чтобы в любой момент исчезать из детской и отправляться за сладостями.

Решив направить разговор в безопасное русло, Элино́р с улыбкой сказала:

— Расскажите о своем женихе, мисс Лоусон.

— Он барристер*, и папа говорит, что самый пылкий оратор во всей Британии.

— Мистер Лоусон сказал, что никогда не видел, чтобы человек одним только голосом подчинил себе суд, как это сделал наш дорогой мистер Таплин. Но видели бы вы его рядом с Клодией!.. — Миссис Лоусон начала просматривать фасоны платьев. — Он тогда становится мягким как масло...

Клодия от этой реплики раздумянулась и опустила ресницы.

— Когда он приехал к нам впервые, я сказала ему, что слишком тихая, чтобы заинтересовать его, но он ответил, что ему нравится тишина... для разнообразия.

* Адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах.

Миссис Лоусон просияла и, шагнув к дочери, воскликнула:

— Он тебя обожает! — Она повернулась к Элинор. — Действительно обожает. Я сначала думала, что это смешно: ведь он такой громкоголосый и слишком резкий для моей робкой девочки, — но этот человек становится как воск в ее руках — никогда не видела такой драматической перемены. Клянусь, он даже начинает заикаться всякий раз, когда она дуется.

— Я никогда не дуюсь, — мягко запротестовала Клодия и тут же надула свои розовые губки. — А Сэмюел никогда не заикается.

Миссис Лоусон заговорщически подмигнула Элинор, но промолчала.

Элинор же отступила на шаг, чтобы не мешать клиентам насладиться также и переливами атласа, отрез которого она только что перед ними выложила.

— Ваш жених производит прекрасное впечатление, мисс Лоусон. И как же ему повезло, что он встретил вас. Вам будут завидовать все женщины в Англии!

У Элинор от собственных слов перехватило дыхание. Ах, какая же женщина не желала бы этого — стать избранницей мужчины с будущим и знать, что он тебя обожает? Элинор всегда считала, что и она однажды будет примерять свадебный наряд. Когда-то у нее было огромное приданое, и ее даже специально учили вести домашнее хозяйство, а теперь...

Нет-нет, Элинор тосковала вовсе не по утраченной роскоши, а по родителям. После их смерти умерли все ее мечты. Никогда она не будет стоять рядом с мамой в подвенечном платье или сидеть рядом с отцом и вслух читать его любимые книги.

«Все ушло. И как странно вспоминать себя прежнюю — абсолютно уверенную в том, что ничто не изменится без моего желания».

— Мисс Бекетт... Вам нехорошо?

Вопрос миссис Лоусон, заданный с самыми лучшими намерениями, вернул Элинон к реальности.

— Нет, все в порядке, просто я...

Ее перебила появившаяся в дверях мадам Клермон:

— Она просто перегрелась, сидя слишком близко к печке. Проветритесь, мисс Бекетт, а я пока обговорю с миссис и мисс Лоусон все детали их заказа.

Это заявление было слишком категоричным и резким, так что Элинон пришлось поспешно ретироваться. А мадам Клермон принялась демонстрировать клиенткам образцы лент и перьев.

«Подумать только — перегрелась! Да я пальцев от холода не чувствую, злобная курица!» — мысленно воскликнула Элинон. Проходившая по узкому коридору Бриджетт, которая несла обещанный чай, с усмешкой посмотрела на нее.

— Красное бархатное платье ждет вас на рабочем столе, мисс. Но мадам велела вам сначала узнать, не нужна ли помощь другим. Она сказала, что у вас масса времени, так что вы можете нам помочь.

— Так и сказала? — Элинон проглотила саркастический смешок, сознавая, что вражда с Бриджетт ничего ей не даст.

— Да, так и сказала. Но я бы на вашем месте не волновалась.

— Это почему же?

— Потому что... — По лицу Бриджетт медленно растекалась гадкая улыбка. — Потому что красный вам идет. — С этими словами она неспешно двинулась дальше.

— Еще немного свечей, и вы спалите дом, сэр. — В едком замечании слуги явно не хватало яду, когда он осторожно поставил очередной канделябр на стол хозяина.